

Свет в командном пункте погас, и в коридоре остались лишь тусклые синевато-белые отблески аварийных ламп. Лу Цзинь достал из ящика нераспечатанную шоколадку, слегка провел кончиками пальцев по фольге и молча положил её обратно. Он развернулся и вышел из комнаты — его осанка была прямой, а шаг решительным, словно у обнаженного клинка.

Лин Хао не ушел далеко.

Он прислонился к стене за углом и дождался, пока силуэт Лу Цзиня скроется в конце коридора, прежде чем медленно выпрямиться. Он не пошел ни в казарму, ни в зону отдыха, а, двигаясь в тени вентиляционных труб, направился к складу тылового обеспечения. Это был самый дальний край линии снабжения, куда по ночам почти никто не заглядывал.

Шел он не спеша, ступая бесшумно, почти не касаясь пола.

Дверь склада была приоткрыта, из щели пробивалась полоска тусклого желтого света. Лин Хао остановился, затаил дыхание и осторожно приоткрыл дверь чуть шире.

Внутри Лу Цзинь стоял перед ящиком с припасами, держа в руках кусок сливочного торта — редкий для базы деликатес, украшенный глазурью и прослойкой из джема. Он опустил голову и откусил кусочек, двигаясь с необычайной осторожностью, будто боялся испачкаться. Крем остался на уголке губ, он слегка прищурился, его кадык тихо дернулся, а кончик языка медленно слизнул остатки крема, тщательно собирая каждую сладкую крошку.

Свет падал на его лицо, смягчая черты, которые обычно казались жесткими. Его брови расслабились, уголки глаз едва заметно приподнялись — он походил на котенка, нашедшего наконец теплый уголок, где можно было полностью расслабиться вдали от чужих глаз. Он даже бессознательно отставил мизинец и слегка повернул запястье, чтобы удобнее держать торт — в этом жесте проступала врожденная утонченность и мягкость омеги.

Лин Хао замер.

Он видел, как Лу Цзинь кулаком пробивал стальные листы, видел, как тот стоял, истекая кровью, посреди орд монстров. Но сейчас перед ним был человек, который с таким восторгом ел десерт, что его глаза светились, словно в них зажглись звезды. Это не было игрой или притворством — он выглядел так, будто наконец сбросил всю свою броню.

В этот момент дыхание Лин Хао сбилось.

Он забыл сдерживать свои феромоны.

Тонкий аромат серой амбры вырвался наружу. Хотя он не выпустил его полностью, властная аура, присущая лишь альфе, незримо просочилась в дверную щель.

Лу Цзинь резко вскинул голову.

Его глаза расширились, на губах еще оставался крем, а выражение лица из блаженного мгновенно сменилось шоком и яростью. Он инстинктивно отступил на полшага, выпрямил спину и напряг плечи, пытаясь скрыть свою минутную слабость. Торт едва не выпал из рук, он поспешно прижал его к себе и издал глухой рык:

— Кто здесь?

Его голос не был таким холодным, как обычно, в нем слышалась легкая одышка.

Лин Хао не показался сразу. Он наблюдал, как Лу Цзинь судорожно вытирает рот, оставив на коже от ногтя тонкую красную полоску. Он видел, как вздымается грудь Лу Цзиня, словно тот пытался подавить инстинктивную реакцию — невольную дрожь омеги перед феромонами альфы.

Через несколько секунд Лин Хао медленно вышел из-за двери. Руки в карманах, на лице ни улыбки, ни насмешки. Он просто смотрел на Лу Цзиня и произнес спокойным, естественным тоном:

— Патрулировал и решил проверить, не осталось ли чего не учтенного.

Лу Цзинь сверлил его взглядом, острым, как лезвие ножа. Его дыхание уже выровнялось, плечи были расправлены, он снова становился тем самым железным командиром. Но кончики его ушей предательски покраснели, а пальцы так сильно сжимали коробку с тортом, что побелели костяшки.

— Это место не для тебя, — холодно бросил он. — Возвращайся отдыхать.

Сказав это, он шагнул в сторону, обходя Лин Хао. Он шел быстрее обычного, но старался сохранить ритм, чтобы не выглядеть жалко. Проходя мимо, он слегка отвел взгляд, словно один лишний взгляд мог выдать его тайну.

Лин Хао не стал его останавливать.

Он стоял на месте, глядя, как высокая фигура удаляется по коридору и исчезает за углом. Только когда шаги окончательно стихли, он медленно поднял правую руку и понюхал кончики пальцев.

Когда он приближался к дверному косяку, его пальцы коснулись дерева. Там остался едва уловимый след — под запахом пороха и ржавчины действительно прятался теплый аромат карамели, последняя капля нежности, скрытая за слоями тяжелой брони.

Он опустил руку, его взгляд упал на обертку от торта, брошенную на пол. Глазурь

поблескивала в свете ламп, словно след от тайного ритуала, о котором никто не должен был знать.

Лу Цзинь вернулся в комнату, запер за собой дверь и долго стоял, прислонившись к ней спиной. Он коснулся шеи — пульс там все еще учащенно бился. И это был не страх, а какое-то странное, смутное волнение.

Он подошел к столу, выдвинул нижний ящик, где аккуратно лежали пакетики с конфетами, две банки сладкого молока и маленький тюбик мятного бальзама для губ. Он достал лимонный леденец, развернул его и положил в рот. Кисло-горький вкус взбудрил его, помогая постепенно прийти в себя.

Он знал, что Лин Хао всё видел.

Видел не только то, как он ест сладкое, но и то, как он облизывал губы, видел его взгляд в моменты расслабления — ту самую сторону омеги, которую он меньше всего хотел показывать. Этого мгновения слабости было достаточно, чтобы поставить под сомнение его авторитет. Кто доверит командование отрядом Острые омеги, не способному контролировать собственные инстинкты?

Но хуже всего то, что это увидел именно Лин Хао.

Тот самый мужчина, который постоянно ошивался в столовой, отпускал легкомысленные шуточки и любил дразнить его шоколадом, в этот раз не стал смеяться. Не сказал ни слова и даже придумал для него оправдание.

Лу Цзинь закрыл глаза. В памяти всплыл последний взгляд Лин Хао. В нем не было ни презрения, ни праздного любопытства — лишь тяжелое, пристальное внимание, словно он смотрел на сокровище, которое наконец удалось рассмотреть без крышки.

Он ненавидел это чувство.

Но еще больше его раздражало то, что он не взорвался на месте. Он... сбежал.

Он никогда не убегал.

За окном доносился гул механизмов, база жила своей привычной жизнью. Он открыл глаза, сел на кровать и бессознательно провел пальцами по краю матраса. Там осталась неглубокая царапина — он оставил её ногтями во время одной из тренировок, когда потерял контроль.

Он вдруг вспомнил слова своего приемного отца: Сильный человек — это не тот, у кого нет слабостей, а тот, кто умеет лучше всех их скрывать.

Но теперь кто-то своими руками сорвал с него ту самую завесу, за которой он прятал самое сокровенное.

Тем временем Лин Хао все еще стоял в коридоре у склада.

Он не ушел и не вернулся в казарму. Он развернулся и направился в технический сектор, шагая не спеша. Проходя мимо ремонтного отсека, он остановился, снял со стены ящик с инструментами и проверил гаечные ключи и пассатижи.

Завтра нужно проверить систему очистки воды.

Он помнил, как Эми упоминала, что давление в главном фильтрующем клапане нестабильно и требуется ручная калибровка. Это не входило в его обязанности, но ему вдруг захотелось проверить самому.

Он закрыл ящик и пошел дальше. Проходя мимо металлической стены, он нажал на крышку вентиляционной решетки. Защелка поддавалась, он с усилием толкнул, и решетка отвалилась.

Он заглянул в зияющее чернотой отверстие и слегка усмехнулся.

Оказывается, даже самая несокрушимая броня может дать трещину из-за куска торта.

Он наклонился, поднял решетку, стряхнул пыль и установил её обратно.

В конце коридора слышались шаги — это был ночной караул. Лин Хао, неся ящик с инструментами, направился им навстречу с привычной небрежной улыбкой.

Охранник кивнул, приветствуя его, Лин Хао ответил тем же и заодно спросил, где именно находится система очистки воды.

Собеседник только открыл рот, чтобы ответить, как взгляд Лин Хао вдруг замер.

На погоне охранника он заметил крошечное белое пятнышко крема.

<http://bllate.org/book/18777/1821430>